

3. Партия и «великий перелом»

После разгрома правой оппозиции, завершеного на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК, политика «великого перелома», казалось, получила единогласную поддержку. В приветствиях Сталину по поводу его пятидесятилетия (декабрь 1929 г.) он назывался не только самым выдающимся теоретиком ленинизма, но и — впервые — «Лениным наших дней», гением, замечательные качества которого были необходимы

рабочему классу. К этому времени большинство бывших левых оппозиционеров, исключенных из партии в 1927 г., добилось восстановления и присоединилось к политической линии Сталина, которую они определили как близкую той, что защищали в предыдущие годы. Несомненно, их позиция была обусловлена также и другими соображениями, изложенными, в частности, Пятаковым, первым крупным оппозиционером, перешедшим в сталинский лагерь в феврале 1928 г.: для коммуниста нет жизни без партии. «Совершенно ясно, — писал Пятаков 23 декабря 1929 г. в газете «Правда», — что невозможно одновременно быть за партию и выступать против ее нынешнего руководства, быть за ЦК и против тов. Сталина».

Тем не менее политика насильственной коллективизации встретила сопротивление — хотя преимущественно пассивное — со стороны немногочисленных сельских партийцев, каждый пятый член которых был впоследствии исключен из партии во время чистки 1929 г. за пассивность, за связь с враждебными элементами или за искривление партлинии (т.е. чаще всего за отказ вступить в колхоз). С другой стороны, перерыв в проведении коллективизации, декретированный статьей Сталина от 2 марта 1930 г., вызвал недовольство многих местных партработников, негодовавших по поводу обвинения их в допущении перегибов и в искривлении политики партии. Руководители местных организаций выразили недоумение в так называемых «Дискуссионных трибунах», публиковавшихся «Правдой» в мае — июне 1930 г., во время подготовки к XVI съезду. Некоторые из них даже намекали на то, что предпринятое Сталиным отступление имело характер правого уклона. 27 мая 1930 г. «Правда» в своей передовице заявила, что такие оценки представляли собой тактику, направленную на дискредитацию ленинского партийного руководства.

XVI партсъезд, на котором обсуждались вопросы дальнейшего развертывания коллективизации и ускорения темпов индустриализации, проходил без каких-либо признаков существования организованной оппозиции. Правые оппозиционеры снова были осуждены, а Рыков и Томский принуждены к раскаянию, на этот раз еще более унижительному, чем во время ноябрьского пленума 1929 г. Съезд одобрил массовое изгнание старых профсоюзных кадров, обвинявшихся в том, что они проводили оппортунистическую и тред-юнионистскую политику, несовместимую со строительством социализма. Резолюция по профсоюзам превращала их в простой инструмент выполнения плана. Сталин, отметив в политическом докладе, что нераскаявшиеся троцкисты, переродившиеся «в типичных мелкобуржуазных контрреволюционеров, превратившись на деле в осведомительное бюро капиталистической печати по делам ВКП(б)», развил идею, в соответствии с которой различные отклонения рассматривались как отголоски «сопротивления отживающих классов». «„Невозможно, — заключил он, — развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их агентуру...» Уклонисты, таким образом, были впервые названы предателями. Был пройден важный рубеж в идентификации врага, хотя пока еще соотношение сил в Политбюро не позволяло Сталину и ближайшим его соратникам сразу же перейти к практическим действиям, вытекающим из формулы: уклонист — враг.

Раздавались, однако, единичные голоса с критикой позиции Генерального секретаря по вопросам темпов индустриализации. Это сделал Рыков, последний представитель бывшей правой оппозиции. Позже, в декабре 1930 г., он будет исключен из состава Политбюро, а на его место выдвинут Орджоникидзе, близкий соратник Сталина, назначенный на пост народного комиссара тяжелой промышленности.

Официальное осуждение всех уклонов и наступившее мнимое единодушие вокруг Сталина не означали, однако, что было покончено со всеми оппозиционными настроениями. В декабре 1930 г. Сырцов, кандидат в члены Политбюро, и Ломинадзе, 1 секретарь Закавказской парторганизации, были выведены из состава ЦК. Первому поставили в вину скептицизм по поводу темпов индустриализации, второму — обвинение партии и Советов в феодальном отношении к рабочим и крестьянам. Высказывания Сырцова и Ломинадзе, их контакты с другими членами партии были квалифицированы как заговор. Все было соответствующим образом освещено в прессе, рассмотрено во всех парторганизациях и присовокуплено к другим делам о саботаже в народном хозяйстве. Это дело явилось в какой-то степени этапным с точки зрения уставных принципов партии. Впервые члены ЦК были исключены не на пленарном заседании ЦК, которое только и могло по уставу решить этот вопрос, а на совместном

заседании Политбюро и Центральной контрольной комиссии (т.е. небольшой группой высших руководящих работников).

Летом 1932 г. было открыто дело Рютина, известного московского правоуклонистского лидера. Он подготовил и распространял документ, возлагавший на Сталина личную ответственность за гибельную политику коллективизации, и требовал его смещения. Этот документ, обнаруженный ОПТУ, был тотчас же объявлен платформой оппозиции. Сталин настаивал на 1 аресте и смертном приговоре Рютина, но неожиданно столкнулся с сопротивлением большинства членов Политбюро, пока еще не допускавших применения высшей меры наказания к уклонистам. Рютин был сослан, Зиновьева и Каменева, которые вступали с ним в контакт, снова исключили из партии и также сослали в Сибирь. Несколько месяцев позже, если верить письму, отправленному Троцкому его сыном Л.Седовым, был сформирован, хотя и достаточно эфемерный, блок оппозиции. Этот блок, созданный прежде всего для обмена информацией, включал в себя различных представителей как правой, так и левой оппозиции.

Попытки создания организованной оппозиции предпринимались на фоне очень напряженной социальной и экономической ситуации (значительное снижение жизненного уровня в городах, голод на Украине) и настоящего кризиса веры в свои силы, охватившего партию. Этот кризис достиг кульминации к осени 1932 г., когда казалось, что катастрофа в сельском хозяйстве грозила обернуться полным крахом всей системы.

Сталинская политика в это время начинала вызывать недовольство со стороны кадровых народнохозяйственных работников — директоров предприятий и председателей колхозов. Эти специалисты, назначенные на свои посты недавно, были плохо подготовлены и испытывали на себе ежедневное давление со стороны высшего руководства, требующего выполнять непосильные задачи. Они были зажаты в тиски невыполнимых требований, с одной стороны, и пассивного сопротивления своих подчиненных — с другой. Потоки критики обрушивались на них за неумение освоить новую технику. Угроза обвинения в саботаже нависала над ними всякий раз, как только руководимое ими предприятие или отрасль не справлялись с планом. В этих условиях молодая, еще неопытная и неокрепшая бюрократия училась выискивать средства защиты от посягательств государственной машины, подобно тому как научились сопротивляться крестьяне, стараясь работать как можно меньше на коллективизированных землях, подобно тому как рабочие отвечали на ухудшение условий жизни низкой производительностью труда и частой сменой рабочих мест. У служащих тоже появлялись свои методы защиты. Они научились скрывать действительное положение вещей, помогали друг другу в поисках новых, более престижных мест, знали, как защитить свой небольшой «семейный круг», как сохранить связи и клиентуру.

Начиная с 1931 г. кадры предприятий Народного комиссариата тяжелой промышленности ощущали все большую поддержку со стороны своего ведомства, во главе которого стоял Орджоникидзе — приверженец более умеренных темпов индустриализации. Не без влияния этого ведомства произошел уже упомянутый выше «перелом» лета 1931 г., в результате которого политика партии по отношению к специалистам изменилась. Позиции умеренного крыла еще больше укрепились к лету 1933 г., когда значительно возросли трудности экономического и социального плана, вызываемые кризисом сверхнакопления (объем капиталовложений превысил все реально допустимые существующими ресурсами размеры).

Это повлияло и на цифры второго пятилетнего плана, разработанного в 1933 г. и утвержденного XVII съездом партии (26 января — 10 февраля 1934 г.). Намеченные показатели были более умеренными и казались более выполнимыми, чем показатели первого пятилетнего плана. Кроме того, новый план уделял заметно больше внимания нуждам населения. В политической сфере также наблюдалась некоторая разрядка. Заметно снизилось по сравнению с предшествующими годами количество случаев применения наиболее жестоких репрессивных мер — расстрелов и выселений. На политическую сцену вернулись прежние оппозиционеры, такие, как Каменев и Зиновьев, в очередной раз помилованные после очередного покаяния, и Бухарин, опубликовавший многочисленные статьи с обоснованием необходимости положить конец

жестокостям «революции сверху» и начать новый период. Некоторые современные исследователи связывают эту относительную либерализацию с существованием оппозиционного течения, возглавляемого Кировым. Несмотря на правдоподобность предположения, все же факт существования такого течения никогда не был убедительным образом доказан. Это течение, если оно и существовало, не имело никакой организации и никакого официального печатного органа (из страха перед приговорами, выносимыми любой группой, которую можно было назвать «фракцией»). К тому же нельзя считать, что Киров был противником Сталина, хотя его взгляды после XVII съезда партии иногда расходились со сталинскими.

1933 г. был отмечен внушительной чисткой в партии, объявленной на январском (1933 г.) пленуме ЦК и развернутой в мае. Постановление ЦК от 28 апреля определяло, какие категории членов партии подлежали исключению: классово чуждые и враждебные элементы; двурушнические элементы, под прикрытием лживой клятвы в верности пытающиеся сорвать на деле политику партии; открытые и скрытые нарушители железной дисциплины партии и государства, подвергающие сомнению и дискредитирующие решения и установленные партией планы болтовней об их «нереальности» и неосуществимости; перерожденцы; карьеристы; шкурники и морально разложившиеся; политически малограмотные, не знающие программы, устава и основных решений партии.

Масштабы чистки, которая длилась полтора года вместо изначально намеченных пяти месяцев и завершилась исключением 18% коммунистов (в то время как 15% членов «вышли» из партии добровольно), вполне соответствовали масштабам кризиса, охватившего партийную организацию в результате чрезмерно быстрого ее роста в предыдущие годы. На протяжении 1928 — 1932 гг. количество членов партии увеличилось с 1,5 до 3,7 млн. человек. Во время массовых приемов этих лет численный состав партии увеличился более чем на 2 млн. человек. Большинство их составляли рабочие, чаще всего идеологически не подготовленные. Среди них были как искренние энтузиасты «большого скачка вперед», так и расчетливые карьеристы, которым партийный билет открывал широкие возможности для преуспевания в профессиональной и общественной сферах. В реальности партия была очень далека от создаваемого официальной идеологией образа и не являлась монолитной и дисциплинированной организацией, способной возглавлять бурные общественные и экономические процессы, происходящие в стране. Она все больше превращалась в отдельный общественный организм, становившийся все менее монолитным и объединявший людей с разными убеждениями, различными уровнями образования, неоднородной идеологией. Некоторые из них — примерно один из шести — были «мертвыми душами», чьи имена только значились в картотеках. Многие рядовые члены партии, потрясенные тем, что они увидели, что сделали или что вынуждены были делать в предыдущие годы (массовое выселение крестьян, голод, ухудшение условий жизни), стали, если употреблять официальную терминологию, пассивными членами.

Неоднозначным было отношение к партии и в среде должностных партийных работников, в том числе занимавших невысокие посты (в 1933 г. насчитывалось более 30 тыс. освобожденных работников). Некоторые из них, откровенные приспособленцы, образовывали настоящие мафиозные группировки (называемые в официальной терминологии «семейными кружками»). Единственное, к чему они стремились, — сохранение своих вотчин, в которых они, скрытые от глаз центральных властей, безнаказанно хозяйничали. Другие, особенно недавние выдвиженцы, считали своим долгом беспрекословно выполнять приказы свыше. Их психология была проникнута бюрократическим духом и раболепием перед властью, стремлением занять более высокие посты. Они, не задумываясь, разоблачали истинные или мнимые ошибки своих руководителей во время развязанной высшим партийным руководством кампании по разоблачению саботажа среди партийно-хозяйственных кадров. По уровню идеологической подготовки эти члены партии сильно отличались от старых большевиков и коммунистов поколения гражданской войны, которые вплоть до 1935 — 1937 гг. все еще сохраняли ключевые посты в партии и чье прошлое позволяло им считать себя вправе если не высказывать открыто критических суждений по поводу считавшихся непререкаемыми решений партийного руководства, то хотя бы проявлять некоторую гибкость в выполнении нереалистичных директив, исходящих из центра. На практике

это означало сокрытие истинного положения дел, что помогало несколько ослабить давление на простых тружеников и рядовых членов партии.

Итак, к концу первой пятилетки партия оказалась в самой гуще острейших социальных противоречий и представляла собой неповоротливую, хаотическую конструкцию, своевольный и несовершенный инструмент власти — организацию, в которой росло внутреннее напряжение и появлялись ростки раскола.